

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.1>.

EDN: LSQQAY

И.А. ХАБАРОВ¹

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

РЕСУРСНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. Анализируются проблемы самоорганизации современных локальных сообществ и формирования пространств их заинтересованной коммуникации. Предложена модель самоорганизации, реализуемой в векторе транзита «ресурс — интерес — самоорганизация — ресурс». В этой связи оценены возможности их капитализации и конвертации. Рассмотрены различные ресурсы и их политические потенции. В ряду значимых нематериальных ресурсов отдельное внимание уделено специфическим социальному и символическому ресурсам. Автор приходит к выводу, что динамизм модели связан с реализацией ресурсного потенциала акторов от индивидуального к коллективному, от частного к публичному, от функционального к кросс-функциональному и административному. Платформой актуальной модели самоорганизации в значительной степени выступает символическое пространство рыночного града и приоритеты реализации стратегий развития. С одной стороны, отказ от них в жестких конкурентных условиях грозит актору потерями всех значимых позиций, утратой собственной политической субъектности. С другой стороны, данная модель позволяет преодолеть конкурентные ограничения, получить преференции статуса политического и административного агента, использовать преимущества системного доступа к созданию и функционированию политико-административного режима локации с соответствующими легитимными возможностями распоряжения административным

ресурсом (турборесурсом). Особое значение доступ к турборесурсу приобретает в условиях укрепления единой системы публичной власти, реформирования существующей системы местного самоуправления, персонафицированных региональных политических режимов. В контексте анализа этапов политической самоорганизации сообществ рассмотрены особенности дома элит — неформальной основы политико-административного режима локалитета, представленного элитами различных функциональных сфер, объединенных практиками выгодных обменов и соглашений и разъединенных разностью интересов. Данное поле представляет собой ядро фактической самоорганизации сообществ и формирования пространств современных локалитетов.

Ключевые слова: самоорганизация, сообщество, локалитет, ресурс, интерес, конкуренция, девелопмент.

Для цитирования: Хабаров И.А. Ресурсно-динамическая модель самоорганизации локальных сообществ // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.1>. EDN: LSQQAY.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях активное политическое бытие локальных сообществ достойно внимания исследователей по целому ряду обстоятельств. Среди прочего отметим развитие локальной повестки во взаимосвязи с тенденциями глобализации, кардинальное повышение значения экономических и информационных потоков для развития регионов и локальных территорий, актуальные условия муниципальной реформы в России.

Вопросы значимости различных материальных и нематериальных ресурсов для развития политико-административных территорий и для формирования самоорганизованного политического пространства, позиции держателей ресурсов и их роль в формировании этого пространства, не в последнюю очередь универсальности механизмов заинтересованной самоорганизации формируют проблемное поле, обусловившее проведение данного исследования.

Целью исследования является анализ актуальной в сегодняшних условиях модели самоорганизации локальных сообществ, учитывающей политический потенциал местных и транзитных ресурсов в динамике их интеракций.

Речь идет о модели, во многом характеризующейся универсальными свойствами, что делает ее пригодной для объяснения современных отечественных практик политической самоорганизации в городах и сельских районах. «Место» локалитета, его пространство рассматривается как динамичная арена заинтересованных коммуникаций и локация сообщества. Обстоятельства универсализма здесь же связаны с исследованием символического пространства и символических ресурсов, а также потокового характера (развиваются вне границ муниципалитетов, регионов, национальных государств) ряда иных ресурсов, таких как финансово-экономический, информационный, до известных суверенных пределов — административный.

Для достижения заявленной цели необходимо последовательно рассмотреть ресурсный потенциал как фактор влияния и реализации интереса субъектов в динамичном процессе самоорганизации. Структура статьи соответствует заявленной цели исследования.

Под локальным уровнем политики понимается муниципальный (субрегиональный) властный уровень; локальные сообщества — субъекты данного уровня политики в пределах границ локалитетов (муниципалитетов).

Наличие ресурсов, борьба за них, стремление к легитимному доминированию, безусловно, стимулируют использование элитистской оптики. Важнейший сегмент локального сообщества муниципалитета — сообщество элит, в исследовании рассматриваемое как «дом элит» с соответствующими характеристиками обособленности и закрытости. В числе ресурсов исследование затрагивает административный ресурс, рассматриваемый с позиций нагнетания динамики самоорганизации, иными словами с позиций реализации турбопотенциала.

Теоретико-методологический вектор исследованию задали работы, рассматривающие ресурсы влияния доминирующих групп [8; 10; 11], посвященные различным аспектам рент-ориентированного поведения [15; 16; 21] и феномену политического предпринимательства [17; 18; 20]. Принципиальное значение для анализа политического пространства современных локальных территорий и сообществ имеют работы П. Бурдые [3; 4; 5], Л. Болтански и Э. Кьяпелло [2], М. Кастельса [9].

Исследование выполнено с учетом практического опыта работы автора с локальными сообществами и органами публичной власти

на региональном и муниципальном уровнях современной отечественной системы государственного и муниципального управления.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА САМООРГАНИЗАЦИИ

Динамику политического действия, организующего сообщество и его пространство — «колесо ресурса», характеризует следующая последовательность: $R - I - S(ра) - R$, в которой R — ресурс, I — интерес, S — политико-административная самоорганизация. Рассмотрим ее подробнее.

Структура любого ресурса включает востребованное благо, в данном случае позитивная ценность, способность к удовлетворению существующей актуальной физической, интеллектуальной, эстетической и иной потребности (условие блага) и соответствие этой потребности в определенной сфере жизнедеятельности человека и общества — условие нормального существования, комфорта и процветания.

В структуре ресурса также заключен сущностный заряд влияния, что также связано с потребностями других членов сообщества (формирование отношения к благу и ресурсу со стороны сообщества; власть обладания «востребованным», искусительность и притягательность для других — «власть над ними»), а также стремлением обеспечить системное (гарантированное) удовлетворение потребностей (формирование деятельностного импульса носителя ресурса). При этом манипулирование дефицитным ресурсом — одно из проявлений его власти.

Ресурс дает его агенту власть над всеми, кто готов ему подчиниться, для кого он имеет притягательность. Ресурс мобилизует (принуждает или убеждает) к согласию или соглашению агентов, не располагающих ресурсным багажом, и операторов схожих по объемам потенциалов. Таким образом, важно встречное движение в вертикали коммуникации сообщества (массы — элиты) и в горизонтали (элиты — элиты) от объекта к субъекту инициативы. Тем самым формируется система связей, коммуникационная матрица сообщества (каркас политической локальной общности, азимут политической самоидентификации ее акторов).

Ресурс связан с сакральными (священными, неприкосновенными) отношениями собственности — владения и контроля. Владение,

собственность являются собой инструмент гражданственности, акции в общем («нашем») деле самоуправления — *res publica*. Ресурс имеет тенденцию к развитию (проявлению, росту, трансформации и капитализации) и наращиванию политического потенциала. Фактическое наличие ресурсов (включая материальные — имущество, собственность) обуславливает обмены, соглашения, конкуренцию, борьбу, структурирование реальности людей и вещей (предметов), иными словами политику.

Влияние может быть деятельностным (индивидуальное и коллективное действие) и потенциальным. В этой связи отметим два не всегда противоречащих друг другу обстоятельства. Во-первых, потенциал власти имеют ружье на стене, банковский счет, диплом престижного вуза, кресло мэра, свидетельство о браке дочери с сыном начальника местной полиции (преступного авторитета, местного партийного отделения). Во-вторых, политическая энергия ресурса требует выхода и стимулирует развитие/рост (что не означает активность как таковую, действие как самоцель).

Тем самым, отражая разность потенциалов в диспозиции «конфликт — согласие», ресурс имеет выражение во всех трех формах обеспечения господства:

- «эффективное присутствие» (потенциальное действие — действительность без действия; авторитет; минимальные затраты и инвестиции; высокая эффективность; «власть/ресурс любит тишину»);
- дискурс (в вертикальной проекции «элиты — массы» с генерированием социального ресурса и в горизонтальной плоскости «элита — элита» с формированием пространства дома элит; деятельный контроль с вложением инвестиций; «ресурс следует к ресурсу, власть — к власти»; политический контроль и саморегуляция сообщества, правила сообщества; основа политико-административного режима);
- принуждение («винтовка» Х. Арндт [1, с. 60–62], административное силовое воздействие; легитимное/нелегитимное насилие; при необходимости существенные ресурсные вложения; «сила на грани абсолютной власти и полного бессилия»; административные элиты и бюрократический аппарат; административный надзор сообщества от имени и по поручению, законы сообщества;

публично-правовая система административно-политического режима).

Констатируя данность и принимая в исследовательских целях на вооружение функциональную структуру сообществ, сферы жизнедеятельности населения и органов управления локалитетов, профессиональные поля социума, ресурс может быть рассмотрен в разрезе функциональных пространств (социальных сред), являющих в модели П. Бурдьё политические пространства силы [3, с. 54–56, 86–87, 95, 107–116, 136, 146–155]. В самом общем виде, исходя из методологических или технологических задач, их можно дифференцировать на экономическое, культурное, образовательное, правовое и иные пространства.

При этом потенциал политического пространства заключен в каждом из таких функциональных локусов, фактически коридоров развития влияния и генерирования власти сообщества. Каждое такое пространство представляет собой коридор развития индивидуальных ресурсов и генерирования ресурсов коллективных с использованием организационных, инфраструктурных, правовых и иных возможностей функциональной среды.

Нельзя не сказать об объемах ресурсов. Исходя из логики системы, минимальными ресурсами обладает каждый представитель сообщества — физическим телом (признаком потенциальной и обязательной включенности в динамику развития, освоения и переосвоения; только физические и иные изъяны могут объяснить самоустранение), соответствующими физическими и интеллектуальными потенциалами. Равным образом, в данной системе координат покушение на тело — сакральное покушение на собственность с соответствующими уголовными последствиями [12, с. 27–45]. Ранее стадиями укрепления позиций было использование силы этого тела для присвоения орудий труда, охоты и войны, женщин, земель и т.д. В современных сообществах дальнейшее связано с включением в систему конвертации, обменов, соглашений согласно уровню ресурсных ставок (в логике горизонтали — дома элит или вертикали — самоорганизации).

Объем ресурса не только наделяет субъектностью, но и определяет разрез выстраивания отношений с действительностью: от личного пространства к публичному (общественному). Здесь необходимо отметить два принципиальных обстоятельства.

Первое: примиряя в этом смысле парадигмы элитизма и плюрализма, Р. Даль подчеркивает усиление политической активности по мере увеличения ресурсных резервуаров располагающих ими акторов [7, с. 74].

Второе: наращивание политической активности (с некоторых позиций — в полной мере ее пробуждение) образуется в коллаборации акторов, представляющих в том числе различные ресурсные области и заряды.

Иллюстративен сюжет строительства дома, использованный В.Г. Ледяевым, в котором способность выстроить дом предполагает не только необходимые внутренние качества (знания и умения), но и строительные материалы и инструменты (кирпич, цемент, песок, вода и пр.). Пример свидетельствует о необходимости учета как внутренних свойств индивидов, так и внешних — имеющихся у него иных ресурсов [10, с. 214]. Здесь же необходимо взаимодействие людей с различными компетенциями. Способность к власти, таким образом, активизируется во взаимодействии с другими субъектами, различного рода ресурсами и в определенных условиях.

Ресурс как единица власти влечет политическое коллективное действие в непубличной и публичной сферах. Таким образом, ресурс есть потенциал, средство и цель.

Ресурс может быть индивидуальным и коллективным, материальным и нематериальным (последние имеют непосредственное отношение форматированию символического пространства), местным и транзитным (поток). Их комплекс в физическом, коммуникативном и символическом пространствах локалитетов создает воронки интересов, транслируемых держателями ресурсов. Тем самым ресурс «закрепляет» отношения, привязывает их локации в административных границах муниципалитета.

Политический заряд приобретает могущество в сочетании внутренних и внешних ресурсов — символических, культурных и материальных, а также в комплексе ресурсов индивидуальных (включая частный политический) и коллективных (социальный, групповой политический).

Если ресурс есть потенция действия, то интерес олицетворяет его импульс. Развитие ресурса происходит между двумя приоритетами:

максимизация прибыли и минимизация издержек. В данном случае речь идет о механизмах освоения и присвоения, различных формах ренториентированного поведения [21]. Модель реализации интереса стимулируется реалиями рыночного града [2, с. 82–86] как наиболее адаптивного, гибкого и универсального. Рыночная парадигма детерминирует ресурс и его алгоритмы: ставки, трансформации, цикличность.

Интерес связан не только с сущностными установками на развитие, но и потребностью в защите ресурсных потенциалов, при этом:

- изначально уровень и объем ресурсов повышает интенсивность реализации интереса;
- значение фактора защиты при реализации импульса политического действия возрастает по мере наращивания ресурсов.

Обеспечение тактической и стратегической защиты напрямую связано с бытием сообщества и организацией публичной власти в нем. Система правил сообщества обеспечивает политическую защиту в стратегическом измерении, система права (закон) предоставляет административную защиту.

В комплексе политико-административный режим локалитета является гарантом развития и безопасности — защитой от несистемных угроз и всех видов конкуренции в парадигме «порядка законов и правил». Проявлением применения на практике законов и правил в отношении аутсайдеров (вне логики развития и освоения, включенности в производство пространства) являются практики гражданской инклюзии, отмены, расчеловечивания.

Стартовый этап оформления ресурсных потенциалов связан с формированием личности, готовностью именно в этой логике распорядиться «десятью, пятью, двумя или одним талантами». Политический импульс и потенция развития следует из локуса «Я-частное пространство» в локус «Я-город», преодолевает пределы среды человека, границы его пространства в измерении социальных ролей, в первую очередь профессиональной сферы, которая открывает перспективы развития и укрепления ресурсного потенциала.

Инструменты и реалии последующей самоорганизации — конвертация, кооперация, соглашения и обмены, конкуренция. Согласно установкам рыночного града иные смысловые пространства с легко-

стью могут быть в него интегрированы. Тем самым рыночный град укрепляет свои стены; в той же логике экономическая сфера с соответствующими ресурсами, наиболее удобные в процессе обменов и конвертации, составляют стержень процессов сообществ. Вместе с тем потенциал экономических ресурсов наиболее эффективно раскрывается в комплексе с иными ресурсами, в том числе нематериальными.

ИССЛЕДОВАНИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ РЕЖИМА ОСВОЕНИЯ

Каждая формальная функциональная сфера в институциональном выражении имеет свою иерархию и систему позиций — формальных и репутационных. Каждая сфера представлена элитами, предъэлитными слоями и неэлитами. Соответственно каждая из них — пространство отношений, генерирующих власть: борьбы за позиции, внутренней конкуренции и альянсов. В этой среде ведется поиск конкурентных преимуществ.

Знаковый сюжет — формирование кросс-функционального политического пространства. Функциональные поля не находятся в вакууме, так же как субъект сообщества исполняет множество социальных, политических, экономических ролей: он профессионал в соответствии с образованием в сфере основной занятости, избиратель и избираемый, участник общественных проектов и инициатив, потребитель и производитель товаров и услуг, прихожанин церкви, футбольный болельщик, блогер и т.д. Возникает вопрос совмещения позиций (ресурсных потенциалов) в различных социальных плоскостях.

С учетом принципа гомогенности заинтересованные коммуникации преодолевают условные стены функциональных коридоров, создавая сетевые структуры объединения ресурсов, согласования интересов, распределения издержек и прибылей, дальнейшего роста. Данные ассоциации рискнем назвать «группами перспективы» не только интересов, но и ресурсов, издержек/прибыли и роста (развития).

Малое сообщество, обладающее наивысшим политическим индивидуальным и коллективным потенциалом (они находятся в неразрывной связи и взаимозависимости) — кросс-функциональный клуб,

девелоперское ресурсное поле, пространство «прокуренных кабинетов» (smoke-filled room) или дом элит локалитета — тот самый дом, возведение которого имеет потенции социального контроля, площадка «делиберации равных», политический институциональный фулл-хаус, символический маяк развития и потребления высшего (праздничного, с давними традициями, берущими истоки из силовой сферы, сферы религии и развлечений [6, с. 8]) класса для других представителей сообщества. Именно здесь комбинации ресурсов и наиболее выигрышные композиции интересов закладывают основу политико-административного режима локалитета, наполняют политической жизнью институциональную и правовую матрицу муниципалитетов. Дом элит занимает центральное место в символическом проекте «Я-город» и физическом пространстве города (муниципалитета).

Вектор политики на этом этапе — доступ к точке принятия решения исходя из институциональной архитектуры публичной власти (позиции главы / главы администрации, руководителя представительного органа и депутатов, муниципальная бюрократия и пр.). Речь идет об установлении устойчивой сетевой связи с этими позициями и не всегда о персональном инкорпорировании (особенно в условиях назначений и командирования «варягов»). Иными словами, о координации административного ресурса: контроле за процессом формирования корпуса руководителей, кадровой политикой, частными ресурсными потоками местными и транзитными, трансфертами власти и бюджетов более высокого уровня, вовлеченности в административные коммуникации (в том числе правоохранительных, силовых и судебных структур).

Динамика «пламенеющего фронта», отношений, создающих сообщество как пространство субъектов и связей (ресурсов, интересов, соглашений и конкуренции) — «борьбы огня с огнем» [19].

На ступени функциональной и кросс-функциональной самоорганизации процесс развития имеет горизонтальное и вертикальное выражения. В первом случае выстраивается сеть внутри сферы (далее — между сферами), во второй — ведется поиск канала для получения стратегического простора на новом уровне. С позиций изучения самоорганизации сообществ существенный интерес вызывает, помимо функциональных ресурсов согласно сферам жизнедеятельности

сообществ, синергетический социальный ресурс. «Другие 20 %» социального ресурса Ф. Фукуямы [14, с. 31–46] — мостик, соединяющий общину и общество Ф. Тенниса [13, с. 39].

Он значим для коммуникации по оси «элиты — не элиты» при приобретении позиций элиты (функциональная сфера, непубличная кросс-функциональная политическая сфера, публичная административная сфера) для дальнейшего развития (платформа для движения вверх). Речь идет о консенсусе с неэлитами, соглашении с элитами.

Во-первых, исходя из установок развития и защиты ресурсных платформ, во-вторых, находясь в жестких конкурентных условиях, в-третьих, при схожих стратегиях-алгоритмах иных членов сообществ, акторы следуют по мере зрелости ресурса в политической динамике сообщества (траектория «трека-лестницы»).

Стагнация грозит потерей позиций на каждом из этапов трека: F — CrossF — A(reg), где F — функциональная сфера, CrossF — кросс-функциональная сфера, A(reg) — административная сфера и соответствующий политико-административный режим). При этом по мере продвижения к позициям принятия решений в публичной сфере (административные элиты) политическое нагнетание усиливается (уровень объемов, зрелости и универсальности ресурсов, а также активности и мотивированности конкурентов, фактора инкумбента/челленджера). Оно выражается как в конфликтах (с использованием силовых легальных и нелегальных методов), так и в соглашениях в ходе формирования административных элит исходя из способов (прямые и непрямые выборы, назначения) и институционально-правовой архитектуры локации (система органов, иерархий, полномочий).

Наконец, административный узел — одновременно высший этаж локальной политики и самоорганизации и плацдарм для развития (роста), использование преимуществ подключения к административно-управленческим, финансово-экономическим, информационным и иным ресурсным потокам.

В отечественных условиях укрепления вертикали управления в муниципальной сфере, усиления административного и хозяйственного присутствия регионов на политическом поле локалитетов, императивов единой системы публичной власти, статус административных элит вне зависимости от способа инкорпорирования (выборы, конкурс)

предоставляет двуединое право действовать «от имени и по поручению» сообщества и государства в лице руководителя региона.

Административный ресурс является искомым легитимным турборесурсом публичной власти. Турборесурс позволяет укреплять власть не только за счет владения в собственности (в пределах административного плеча муниципальной локации это вряд ли возможно на практике), но контроля ресурсных потоков (их направления и перенаправления, старта и прекращения, замедления и ускорения).

Политическая самоорганизация формирует сообщество и производит пространство (порядок, фронт) локации: физическое, коммуникативное и символическое.

Генеральный вектор развития ресурса и соответствующих этапов генерирования власти, таким образом, может быть выражен следующим транзитом: функциональное пространство — кросс-функциональное пространство — административное пространство. Любой значимый в соответствующей локации и соответствующей системе отношений (хозяйствования) ресурс обладает выраженным политическим потенциалом. Он политичен в индивидуальном выражении и генерирует политику «в квадрате» в ходе функциональной и кросс-функциональной самоорганизации. Сети, обмены, конкуренция образуют динамичный каркас сообществ — не менее значимый элемент, нежели его акторы. Политика «в третьей степени» или «третий акт» политической самоорганизации — это выход политических акторов на поле публичной политики. Именно в этом «чеховском» акте винтовка Х. Арендт «стреляет» — имеет легитимное право реализовать насилие в рамках правовых норм и оперирует административным ресурсом.

ВЫВОДЫ

1. С одной стороны, символический потенциал рыночного града (представления о частном и общем благе, мотивация и модель поведения), с другой — экономические ресурсы, обладают базовыми потенциалами организации рабочей модели межфункциональных коммуникаций и интеракций, наиболее значимыми резервами для самоорганизации сообществ и генерирования власти в них. Речь идет как о воронках интересов, так и о самих основаниях их возникновения.

Тому способствует существующий формат взаимодействия публичной власти и экономических элит при развитии локалитетов (включая практики частно-государственного/муниципального партнерства) и развитие модели сервисного государства; основания формирования машин роста; реализации актуальных для публичной власти всех уровней, муниципалитетов и населения девелоперских проектов, в немалой степени — управления частными инвестиционными потоками и трансфертами вышестоящих бюджетов.

Вместе с тем в предлагаемой модели самоорганизации все иные ресурсы вступают в диалог с экономическими ресурсами (втягиваются в воронку), «начинают говорить на языке последнего», главное — приобретают символический формат (не только цену, но оценку) для обменов. С учетом эффекта гомогенности ресурсы объединяют («ресурс следует к ресурсу») их агентов со схожими позициями и институциями на непубличной платформе дома элит, подталкивают к наиболее эффективным стратегиям политического успеха — от эффективного присутствия («ресурс любит тишину») до насилия.

Рынок является тотальной — универсальной и кросс-функциональной — политической платформой процессов самоорганизации современных сообществ, доминантой политической и административной легитимизации.

2. «Вторая» — политическая, «единственная», «истинная» — конкуренция отражает логику магистрального движения от персонального к коллективному, от политического к административному. Рассмотренная в статье модель предполагает получение доступа к точке принятия решения посредством пространства дома элит (уровень существенного политического влияния) и не всегда предполагает персональное инкорпорирование; она актуальна и в условиях выборов, и конкурсных процедур (назначений), что особенно важно в современных условиях реформирования местного самоуправления.

Непризнание тотальной конкуренции связано с теоретическим допущением, согласно которому функциональные поля герметичны и социальные роли одномерны, отсутствует движение ресурсов и заинтересованная горизонтальная кооперация (самоорганизация) —

в том числе (и в первую очередь), среди элит. Непризнание ее политического характера сопряжено с отнесением потенций влияния и властвования лишь к сфере публичной политики и соответствующих институтов.

3. Социальный ресурс в адаптивной рыночной модели избегает первичной сущностной оппозиции с рациональной механистичностью диалога интересов, становится условием согласия (по базовым правилам) и легитимности. Это условие консенсуса в горизонтальной (дом элит) и вертикальной (элита — массы) проекции, опора для продвижения на новый уровень (ступень) развития, политической субъектности.

Вместе с символическим ресурсом (обеспечение необходимой оптики восприятия потенции ресурсной мощи), символический ресурс обеспечивает встречное движение объектов (предметов) управления к субъектам. Это движение повышает эффективность деятельности политических агентов дома элит по достижению консенсуса (поддержки, соглашений) в структуре сообществ по вертикали и горизонтали (наименьшие издержки и действия для оптимального результата, избегание крайних форм власти — применения легального и нелегального насилия).

4. Рынок (максимизация и конкуренция) не противоречит администрированию, а предопределяет его. Потенциал ресурсов и импульс интересов в условиях конкуренции нормативно предусматривают использование преимуществ, важнейшее из которых связано с публичной властью.

Данное обстоятельство следует рассматривать не столько в логике коррупционных действий, но и в качестве легитимной системы практик формирования политико-административного режима, политический и административный сегменты которого фактически неразделимы. В сложных обществах матрица публичного управления — институциональный и правовой контуры самоуправления — форматируют локации и закрепляют позиции их ведущих акторов.

Максимальные конкурентные преимущества достигаются за счет доступа к регулирующему ресурсу (легитимной публичной силе принятия решения) в данной сфере — в дополнение к горизонтальной самоорганизации (соглашения, обмена) и социального ресурса внутри

функциональной сферы и горизонтальной коммуникации вне функциональных сфер с влиянием принципа гомогенности. Как и социальный ресурс, административный турборесурс адаптируются рыночной логикой и трансформируются в факторы роста и безапелляционные конкурентные преимущества.

5. Искомая цель значимых субъектов самоорганизации и результат динамики сообщества — режим развития ресурса — есть оптимальный политический режим как формат системного развития (политический девелопмент):

- максимизирующего поведения (импульс универсального политического интереса, концентрирующего импульсы из всех функциональных полей);
- освоения (картографирования, систематизации, опредмечивания, охозяивствования, введения в 1) оборот; 2) отношения; 3) реальность по оси координат «прошлое — настоящее — будущее», единственно реальную и легитимную с доминирующими образами прошлого, настоящего и будущего;
- присвоения, распределения и перераспределения;
- вовлечения и исключения (политического отбрасывания за пределы режима либо за границы современного полиса).

Речь идет о мобилизации ресурсного частного и публичного, индивидуального и коллективного, локализованного и потокового потенциала муниципалитета (модель «Я-город»), включая символические, социальные и административные резервы и системном легитимном (политическом и административном) контроле над ним.

Это режим функционального (по сферам), политического (кросс-функционального, горизонтального и вертикального) функционирования, во-первых, сообщества (акторы, связи, вещи), во-вторых, локалитета (физического, коммуникативного и символического пространств) — политико-административный режим. Режим развития и защиты ресурсных потенциалов власти посредством правил (политический режим) и законов (административный режим).

6. Стратегии максимизации ведут к укреплению ресурсных платформ и дома элит, усилению социальной, экономической, культурной (в комплексе — политической) дифференциации в сообществе по оси «элиты — массы», а главное к формированию легитимной публичной

власти, обеспечивающей (институционально, нормативно, символически) воспроизводство данной политической модели. Это система политической и административной власти — доминирования, контроля и управления над потоками и кластерами ресурсов, пространством и временем, сообществом.

Данная модель самоорганизации пластична и подвижна. Смена правящих коалиций и, как следствие, политико-административных режимов, определяется перераспределением сил внутри существующей системы баланса интересов (дома элит) вследствие демобилизации ресурсов одних акторов и актуализации потенциала ресурсов других субъектов, рекомбинации интересов, пересмотра соглашений и договоров, появления новых ресурсных магистралей. Так, в пространстве локалитетов очень важны потоки инвестиций и управление ими, а также влияние потока административного ресурса регионального уровня (неформально и посредством распространения конкурсных процедур в отношении руководителей местных администраций в 2014–2024 гг.).

7. Модель самоорганизации современных сообществ формирует политическая динамика, генерируемая «колесом ресурса» ($R - I - S(\text{pa}) - R$) в векторе «трека-лестницы» ($F - \text{CrossF} - A(\text{reg})$). При этом реализуются установки «политики для» (развитие, максимизация), «политики над» (политические и административные элиты, бюрократия) и «политики с» (самоорганизация по горизонтали и вертикали).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хабаров Илья Александрович, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, кандидат политических наук, руководитель Центра по связям с общественными институтами Департамента по стратегическим коммуникациям. **Телефон:** 89107559788. **Электронная почта:** hia68@mail.ru

Research Article

ИЛИА А. КНАВАРОВ

Tambov State University

392000, Tambov, Internatsionalnaya street, 33.

RESOURCE-DYNAMIC SELF-ORGANIZATION MODEL OF LOCAL COMMUNITIES

Abstract. The problems of self-organization of modern local communities and the formation of spaces of their interested communication are analyzed. A model of self-organization implemented in the transit vector is proposed: resource — interest — self-organization — resource. In this regard, the possibilities of their capitalization and conversion are evaluated. Various resources and their political potencies are considered. Among the significant intangible resources, special attention is paid to specific social and symbolic resources. The author concludes that the dynamism of the model is associated with the realization of the resource potential of actors from individual to collective, from private to public, from functional to cross-functional and administrative. The platform of the current model of self-organization is largely the symbolic space of the market city and the priorities of the implementation of development strategies. On the one hand, abandoning them in harsh competitive conditions threatens the actor with the loss of all significant positions, the loss of his own political subjectivity. On the other hand, this model makes it possible to overcome competitive constraints, obtain preferences for the status of a political and administrative agent, and take advantage of systemic access to the creation and functioning of a political and administrative location regime with appropriate legitimate possibilities for disposing of an administrative resource (turbo-resource). Access to the turbo resource is of particular importance in the context of strengthening the unified system of public authority, reforming the existing system of local government, and personalized regional political regimes. In the context of considering the stages of political self-organization of communities, the features of the house of elites are considered — the unofficial basis of the political and administrative regime of the locality, represented by the elites of various functional spheres, united by the practices of beneficial exchanges and agreements and separated by a difference of interests. This field represents the core of the actual self-organization of communities and the formatting of the spaces of modern localities.

Keywords: self-organization, community, locality, resource, interest, competition, development.

For citation: Khabarov I. A. Resource-dynamic self-organization model of local communities. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Khabarov — Derzhavin Tambov State University, Candidate of Political Sciences, head of Center for Relations with Public Institutions of the Department of Strategic Communications. **Phone:** 89107559788. **E-mail:** hia68@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арендт, Х. О насилии* / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
Arendt H. On Violence. [Russ. Ed.: *O nasilii*. Transl. from Eng. by G.M. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2014. 148 p.]
2. *Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма* / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. [Russ. Ed.: *Novyi dukh kapitalizma*. Transl. from French by S. Fokin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2011. 976 p.]
3. *Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики* / Пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
Bourdieu P. Espace social: champs et pratiques [Russ. Ed.: *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii publ; St. Petersburg: Aleteiya publ, 2005. 576 p.]
4. *Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 51–64.*
Bourdieu P. De la maison du roi à la raison d'Etat. Transl. from French by N.A. Shmatko. Burdè P. Sotsioanaliz P'era Burdè. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk. [Socioanalyse De Pierre Bourdieu. Almanach du centre Russo-français de sociologie et de Philosophie de l'Institut de sociologie de l'Académie des sciences de Russie]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2001. P. 51–64. (In Russ.)
5. *Бурдьё П. Формы капитала* / Пер. с фр. М.С. Добряковой // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
Bourdieu P. Les formes du capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (In Russ.)
6. *Веблен Т. Теория праздного класса* / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 416 с.
Veblen T. The Theory of the Leisure Class [Russ. Ed.: *Teoriya prazdnogo klassa*. Transl. from Eng. by V. Zhelninov. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ., 2022. 416 p.]

7. Даль Р. Введение в экономическую демократию / Пер. с англ. В.Р. Евстигнеева. М.: Наука: СП ИКПА, 1991. 126 с.
Dahl, R.A. A Preface to Economic Democracy [Russ. Ed.: *Vvedenie v ekonomicheskuyu demokratiyu*. Transl. from Eng. by V. R. Evstigneev. Moscow: Nauka publ: SP IKPA publ, 1991. 126 p.]
8. Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 2. С. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>.
Duka A.V. Elites in the structure of political opportunities. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2> (In Russ.)
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
Castells M., *The Information Age: Economy, Society and Culture* [Russ. Ed.: *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Transl. from Eng. by O.I.Shkaratan. Moscow.: GU VShE Publ., 2000. 608 p.]
10. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 384 с. (In Russ.)
Ledyayev V.G. *Vlast': kontseptual'nyi analiz*. [Power: a conceptual analysis]. Moscow.: ROSSPEN Publ., 2001. 384 p.
11. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / Пер. с англ. А.И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
Lukes S. Power. A Radical View. [Russ. Ed.: *Vlast': Radikal'nyi vzglyad*. Transl. from Eng. by A.I. Kyrlezhev. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2010. 240 p.]
12. Ротбард М. К новой свободе. Либертарианский манифест / Пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое изд-во, 2009. 396 с.
Rotbard M. For a New Liberty The Libertarian Manifesto [Russ. Ed.: *K novoi svobode. Libertarianskii manifest*. Transl. from Eng. by B.Pinsker. Moscow.: Fond «Liberal'naya missiya»; Novoe izd-vo publ, 2009. 396 p.]
13. Теннис Ф. Общество и общность. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002. 450 с.
Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. [Russ. Ed.: *Obshchestvo i obshchnost'. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii*. Transl. from Deutch. D.V. Sklyadnev. Moscow: Fond Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002. 450 p.]
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ; Ермак, 2004. 730 с.

- Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. [Russ. Ed.: *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu*. Transl. from Eng. by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST Publ.; Ermak Publ., 2004. 730 p.]
15. Congleton R.D., Hillman A.L., Konrad K.A. *Forty Years of Research on Rent Seeking 2: Applications: Rent Seeking in Practice*. Heidelberg, Springer, 2008. 798 p. https://doi.org/10.1007/978-3-540-79182-9_1.
 16. Lopez E. J. *The pursuit of justice: law and economics of legal institutions*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 303 p. <https://doi.org/10.1016/j.socij.2011.08.008>.
 17. Garud R., Hardy C., Maguire S.. Institutional Entrepreneurship as Embedded Agency: An Introduction to the Special Issue. *Organization Studies*. 2007. No. 28(7). P. 957–969. <https://doi.org/10.1177/0170840607078958>.
 18. Hederer C. Political entrepreneurship and institutional change: an evolutionary perspective. *International Journal of Public Policy*. 2010. Vol. 6(1/2). P. 87–103. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1127163>.
 19. Maloney W. Interest groups, social capital, and democratic politics. // Castiglione D., Deth J. van, Wolleb G. (Eds.). *The Handbook of Social Capital*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 303–326.
 20. Schneider M, Teske P. Toward a Theory of the Political Entrepreneur: Evidence from Local Government. *American Political Science Review*. 1992. 86(3). P. 737–747. <https://doi.org/10.2307/1964135>.
 21. Tullock G. The origin rent-seeking concept. *International Journal of Business and Economics*. 2003. No. 2. P. 1–8.